

Сказка Туве Янссон " Муми-папа и море " Глава шестая - Убывающая луна

Однажды ночью перед самым рассветом Муми-маму разбудило молчание вокруг маяка. Внезапно все притихло, как бывает перед переменной погоды.

Она долго лежала, прислушиваясь.

Далеко в море, во тьме, очень мягко начинал дуть новый ветер. Муми-мама слышала, как он приближается, будто кто-то идет по воде. Ветер становился все сильнее, пока наконец не достиг острова. Открытое окно задвигалось в петлях.

Муми-мама почувствовала себя очень маленькой. Она уткнулась в подушку и попыталась думать о яблоне. Но видела только море с могучими ветрами, море, омывающее лежащий в темноте остров, море всегда было тут и владело берегом, маяком и всем островом. Она представила себе, что целый мир стал ровной текущей водой, и постепенно сама комната поплыла куда-то.

"Представляю, если остров вдруг снимется с места и в одно прекрасное утро заплещется у причала там, дома... Или поплывет все дальше и дальше в море и будет дрейфовать годами, пока не свалится за край земли, как кофейная чашка со скользкого подноса... Малышка Мю оценила бы это, – думала Муми-мама, посмеиваясь про себя. – Интересно, где она спит. И Муми-тролль тоже... Как жаль, что мамы не могут спать на улице, как бы им этого ни хотелось".

Она улыбнулась сама себе и рассеянно послала Муми-тролля безмолвный любящий привет, как это принято у троллей. Муми-тролль, бодрствующий на своей поляне, ощутил это и пошевелил ушами в ответ.

Луна не светила, было очень темно.

Никто не подымал шума по поводу его ухода из дома, и он сам не знал, рад или разочарован.

Каждый вечер после чая Муми-мама зажигала две свечи и ставила их на стол, а он брал с собой штормовой фонарь. Муми-папа говорил – просто ради того, чтобы что-нибудь сказать: "Будь осторожен, не подожги вереск и перед сном убедись, что фонарь погашен".

Все то же самое. Они ни чуточки его не понимали.

Муми-тролль лежал, прислушиваясь к ветру, и думал: "Луна убывает. Морские лошади еще не скоро придут сюда".

Но это скорее было облегчением, чем огорчением. Теперь он мог просто лежать, воображать приятные беседы с ней и пытаться вспомнить, как она выглядит. И больше не надо было сердиться на Морру. Она могла глазеть на фонарь, сколько влезет. Муми-тролль говорил себе, что ходит на берег с фонарем каждый вечер лишь из чисто практических соображений: чтобы Морра не поднималась к маяку и не портила Мумимамины розы. А также чтобы остальные не обнаружили, что она здесь. Ну и... чтобы прекратить ее вой. Никаких других мотивов у него не было.

Каждую ночь Муми-тролль ставил фонарь на песок и стоял, зевая, до тех пор, пока Морра не наглядится досыта.

Она глядела на фонарь, следуя своему собственному ритуалу: посмотрев на него некоторое время, она начинала петь, вернее, делать то, что считала пением. Это был тонкий звук, нечто вроде гудения и свиста одновременно, который проникал повсюду, так что Муми-тролля казалось, что звук находится у него в голове, позади глаз и даже в животе. В то же время она медленно и тяжело раскачивалась из стороны в сторону, размахивая своими юбками вверх и вниз, так что они делались похожими на сухие и сморщенные крылья летучей мыши. Морра танцевала!

Она была явно очень довольна, и почему-то этот нелепый ритуал стал очень важным для Муми-тролля. Он не видел никакой причины для того, чтобы прекратить его, независимо от того, нравится это острову или нет.

Но остров, похоже, беспокоился все больше и больше. Деревья шептались и трепетали, приступы дрожи проходили через нижние ветки, как волны по морю. Морская трава на берегу дрожала и прижималась к земле, пытаясь вырваться и убежать. Однажды ночью Муми-тролль увидел то, что испугало его.

Это был песок. Он начал двигаться. Муми-тролль отчетливо видел, как он медленно уползал от Морры. Вся его искрящаяся и мерцающая масса двинулась прочь от ее огромных плоских ступней, утаптывающих землю в лед во время танца.

Муми-тролль схватил фонарь и побыстрее кинулся в чащу через запасной туннель. Он забрался в спальный мешок, застегнул молнию до самого конца и попытался заснуть. Но как бы плотно ни зажмурился он глаза, он видел только песок, ползущий вниз по берегу в воду.

* * *

На следующий день Муми-мама выкопала четыре куста дикой розы. Они обвилились корнями вокруг камней с почти устрашающим терпением и покрыли скалы своими листьями, как послушный ковер.

Муми-мама считала, что розовые цветы на фоне серой скалы выглядят чудесно, она, наверное, не подумала как следует, прежде чем пересадить их в свой сад из коричневых водорослей. Они стояли там в ряд и чувствовали себя в высшей степени неудобно. Она дала каждому кусту по горсти привезенной из дома почвы, полила их и присела рядом ненадолго.

В этот самый момент подошел Муми-папа с большими от возбуждения глазами и закричал:

– Черное озеро! Оно живое! Иди быстро и посмотри! – И он бросился туда.

Не поняв ни слова, Муми-мама последовала за ним. Муми-папа был прав. Темная вода поднималась и опускалась – вздымалась вверх и проваливалась вниз, словно тяжело вздыхала. Черное озеро дышало – оно было живое.

Появилась Малышка Мю, бегущая через скалы.

– Ну, – сказала она, – теперь что-то случится. Остров оживает! Я всегда знала, что так и будет.

– Не будь ребенком, – сказал Муми-папа. – Остров не может ожить. Это море живое... – Он замолк и обхватил морду лапами.

– В чем дело? – спросила Муми-мама взволнованно.

– Я не уверен, – ответил Муми-папа. – Я еще не думал об этом. У меня сейчас появилась идея, но я не могу вспомнить, какая. – Он взял свою тетрадь и побрел через скалы, погруженный в раздумья.

Муми-мама долго смотрела на черное озеро с чрезвычайно неодобрительным видом.

– Я думаю, – сказала она, – пришло время устроить хороший пикник.

Она отправилась в маяк паковать вещи.

Собрав все необходимое для пикника, она открыла окно и стала бить в гонг. Она наблюдала, как все бегут к маяку, и не чувствовала себя ни капельки виноватой, хотя знала, что гонг предназначен для использования только в случаях крайней необходимости.

Она видела Муми-папу и Муми-тролля, стоящих у маяка и глядящих на нее. Сверху они напоминали две большие жемчужины. Держась за подоконник, она высунулась наружу.

– Не беспокойтесь! – закричала она. – Это не пожар. Мы как можно скорее едем на пикник.

– Пикник? – воскликнул Муми-папа. – И ты была в гонг только из-за пикника?!

– Я чувствую опасность в воздухе, – ответила Муми-мама. – Если мы сию же секунду не отправимся на пикник, с нами может случиться все что угодно!

И они поехали на пикник. С большим трудом семья вытянула "Приключение" из черного озера. Потом, выгребая против ветра, они добрались до самой большой скалы у северо-западной части острова. Дрожа, они выбрались на мокрую скалу и расселись. Муми-мама разложила костер между камнями и начала готовить кофе. Она делала все точно так же, как делала годами: тут была скатерть, прижатая четырьмя камнями, масленка с крышкой, кружки, купальные полотенца и, конечно, зонтик от солнца. Когда кофе сварился, стал накрапывать дождик.

Муми-мама была в очень хорошем настроении. Она говорила об обычных повседневных вещах, рылась в корзинках и готовила бутерброды. Впервые за все время она взяла с собой сумку.

Их скала была маленькой и голой, здесь совсем ничего не росло, не было даже водорослей или выброшенных деревьев. Это был просто кусочек серого ничто, случайно оказавшегося в воде.

Они сидели и пили кофе, и все вдруг сделалось совершенно естественным и правильным. Они начали болтать обо всем на свете, кроме моря, острова и Муми-долины. Оттуда, где они сидели, остров и огромный маяк выглядели очень странно – далекие серые тени в дожде.

Когда с кофе покончили, Муми-мама вымыла кружки в море и сложила все в корзинки. Муми-папа подошел к кромке воды и принялся.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Мы должны вернуться домой до того, как поднимется ветер, – сказал он. Он всегда говорил это, когда они отправлялись куда-нибудь на пикник. Они погрузились в лодку, и Малышка Мю забралась на нос. На обратном пути ветер дул им в спину. Они вытащили "Приключение" на берег. После возвращения остров почему-то стал совсем другим. Все чувствовали это, но ничего не говорили. Никто не знал, что именно изменилось. Возможно, это произошло потому, что они оставили остров, а потом вернулись. Они направились прямо к маяку, и в этот вечер разгадывали головоломку-зигзаг, а Муми-папа сделал маленькую кухонную полочку и прибил ее над печкой.

* * *

Пикник пошел семье на пользу, но Муми-мама после этого почему-то загрустила. Ночью ей приснилось, что они поехали навестить хатифнаттов на дружелюбном зеленом острове у берегов их старого дома, и утром она была печальна. Оставшись после завтрака в одиночестве, она села тихо, глядя на жимолость, растущую из подоконника. Нестираемый карандаш уже почти закончился, а то, что осталось, требовалось Муми-папе для крестиков в календаре и писания заметок. Муми-мама полезла на чердак. Спускаясь вниз, она несла три мешочка краски – коричневой, голубой и зеленой, банку красной краски, немного ламповой сажи и две старые кисти. И вот она начала разрисовывать стену цветами. Это были большие, солидные цветы, потому что кисти были большие; краска пропитывала штукатурку и выглядела яркой и прозрачной. Какие они были замечательные! Это было гораздо лучше, чем пилить. Цветок за цветком возникал на стене – розы, маргаритки, анютины глазки, пионы... Больше всего это удивляло саму Муми-мamu. Она понятия не имела, что умеет так хорошо рисовать. У самого пола она изобразила густую волнистую зеленую траву и задумала нарисовать солнце на самом верху, но у нее не было желтой краски. Остальные вернулись к обеду, а она даже не разожгла огонь. Она стояла на ящике, рисуя маленькую коричневую пчелу с зелеными глазами. – Мама! – воскликнул Муми-тролль. – Что ты об этом думаешь? – спросила довольная Муми-мама, заканчивая второй глаз пчелы. Кисть была слишком велика; нужно придумать другой способ. В худшем случае, можно нарисовать поверх пчелы птицу. – Все совсем как настоящее! – воскликнул Муми-папа. – Я узнаю все цветы! Вот это роза. – Вовсе нет, – сказала уязвленная Муми-мама. – Это пион. Вроде тех, что росли дома, внизу у крыльца. – Можно, я нарисую ежа? – закричала Малышка Мю. Муми-мама помотала головой. – Нет, – сказала она. – Это моя стена. Но если ты будешь умницей, я нарисую его для тебя. За обедом все были в хорошем настроении. – Ты можешь одолжить мне немного красной краски, – сказал Муми-папа. – Надо отметить низший уровень воды до того, как море опять начнет подыматься. Я должен вести серьезные наблюдения за уровнем воды. Понимаешь, я хочу выяснить, действует ли море по какой-то системе или просто ведет себя, как ему вздумается... Это очень важно. – У тебя уже много записей? – спросила Муми-мама. – Да. Но для того, чтобы написать книгу, нужно гораздо больше. – Муми-папа перегнулся через стол и сказал доверительно: – Я хочу знать, действительно ли море такое упрямое или оно подчиняется. – Кому подчиняется? – спросил Муми-тролль, выпучив глаза. Но Муми-папа внезапно очень заинтересовался супом и пробормотал: – О... чему-нибудь... каким-нибудь правилам. Муми-мама дала ему немного красной краски в чашке, и сразу же после обеда он отправился ставить отметку уровня воды.

* * *

Осины сильно покраснели, и земля на поляне покрылась желтым ковром березовых листьев. Когда дул юго-западный ветер, он нес красные и желтые листья в воду. Муми-тролль закрасил три стороны штормового фонаря черным, как злодей, замышляющий недоброе. Он шел из маяка окружным путем. Маяк, казалось, следил за ним пустыми глазами. Наступал вечер, остров просыпался. Муми-тролль чувствовал, как он ворочается, и слышал крики чаек не мысу. "Я ничего не могу сделать, – думал он. – Папа бы понял, если бы знал. Я не хочу и сегодня увидеть, как движется песок. Возможно, в этот раз я пойду на восточную оконечность острова". Муми-тролль сидел на скале и ждал с штормовым фонарем, повернутым к морю. Остров позади него был погружен во мрак, и там не было ни следа Морры. Только Малышка Мю видела его. Она видела и Морру, ожидавшую на берегу. Малышка Мю пожала плечами и забралась обратно в мох. Она часто наблюдала, как люди ждут друг друга не там, где надо, и выглядят глупо и потерянно. "Что ж, этому не поможешь, – думала она. – Так уж все устроено". Ночь вступала в силу. Муми-тролль слышал невидимых птиц, пролетающих над головой, и плеск в черном озере позади себя. Он обернулся и в свете лампы увидел их. Это были морские лошади, плавающие под обрывом. Возможно, они приходили сюда каждую ночь, а он ничего не знал об этом. Морские лошади хихикали, брызгали друг в друга водой и строили глазки из-под челок. Муми-тролль переводил взгляд с одной на другую; у обеих были совершенно одинаковые глаза, одинаковые цветы на шеях и аккуратные маленькие головки. Он понятия не имел, которая из них – его морская лошадь. – Это ты? – спросил он. Морские лошади подплыли к нему и остановились у края воды так, что он мог разглядеть только их колени. – Это я! Это я! – ответили обе и засмеялись, как сумасшедшие. – Ты спасешь меня? – спросила одна. – Ты ведь спасешь меня, мой жирный маленький морской еж? Ты глазеешь на мой портрет каждый день? Правда? – Он не морской еж, – укоризненно сказала вторая. – Он маленький яйцеобразный гриб, который обещал спасти меня, если будет штормить. Маленький яйцеобразный гриб, который собирает ракушки для своей мамочки! Разве он не очаровательный! Прелесть! Муми-тролль почувствовал, что краснеет. Муми-мама отполировала подкову зубным порошком. Он знал, что одна из серебряных подков гораздо ярче остальных. И еще он знал, что они не подымут копыта из воды и он никогда не узнает, какая из них – его морская лошадь. Они исчезли в море. Он слышал, как они смеялись, уходя все дальше и дальше, и их смех казался не более чем ветром, овевающим берег. Муми-тролль лежал на скале и глядел в небо. Он не мог больше думать о своей морской лошади. Когда он пытался, то видел двух морских лошадей, двух смеющихся маленьких морских лошадей, в точности похожих друг на друга. Они только прыгали в море вверх и вниз, пока его глаза не устали от этого. Их становилось все больше и больше, столько, что Муми-тролль не трудился считать. Он лишь хотел спать и чтобы его оставили в покое.

* * *

Мумимамина настенная роспись становилась все красивее и растянулась до самой двери. Она нарисовала большие зеленые яблони, усыпанные цветами и плодами, множество паданок, лежащих в траве под ними. Повсюду были кусты роз, в основном красных, какие растут в любом саду. И вокруг каждого куста были выложены белые ракушки. Колодец был зеленым, а дровяной сарай коричневым. Однажды вечером, когда солнце заливало комнату, Муми-мама рисовала угол веранды. Муми-папа зашел и посмотрел. – Ты нарисуешь скалы? – спросил он. – Там нет скал, – сказала Муми-мама рассеянно. Она как раз рисовала перила, сделать их ровными было очень трудно. – Это горизонт? – продолжал Муми-папа. – Нет, это голубая веранда, – объяснила Муми-мама. – Там вообще нет моря.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Муми-папа долго смотрел на картину, но ничего не сказал. Потом пошел и поставил чайник на плиту.

Когда он опять обернулся, Муми-мама нарисовала большое голубое пятно и на нем что-то, что явно должно было изображать лодку.

Выглядело неважно.

– Это нехорошо, – сказал он.

– Да, вышло совсем не так, как я хотела, – грустно признала Муми-мама.

– Что ж, очень хорошая идея, – сказал Муми-папа утешительно, – но лучше переделать это в веранду. Не нужно рисовать то, что не хочешь.

С этого вечера Мумимамина роспись все больше напоминала Муми-долину. Муми-мама обнаружила, что выдерживать перспективу иногда трудно, а временами приходилось изымать что-нибудь из должного окружения и рисовать само по себе: например, плиту и вещи из гостиной. И невозможно было изобразить каждую комнату. Можно было рисовать только одну стену зараз, и это выглядело неестественным.

Муми-мама открыла, что рисовать лучше всего перед самым заходом солнца. В пустой комнате Муми-долина была видна гораздо яснее.

Однажды вечером самый прекрасный закат, который Муми-мама когда-либо видела, зажег небо. Смесь красных, оранжевых, розовых и желтых языков пламени раскрасила облака над темным штормовым морем огненными цветами. Юго-западный ветер дул на остров, от четкой, угольно-черной линии горизонта.

Муми-мама стояла на столе, рисуя красной краской яблоки на верхушке дерева. "Мне бы такие краски! – подумала она. – Какие бы у меня были яблоки и розы!"

Пока она смотрела на небо, вечерний свет коснулся стены, озарив цветы в ее саду. Они казались живыми и сияющими. Сад открылся, и гравиевая дорожка со странной перспективой внезапно сделалась правильной и повела прямо к веранде. Муми-мама положила лапы на ствол яблони. Он был теплый от солнца, и она поняла, что сирень в цвету.

Тень, как молния, скользнула по стене. Что-то темное промелькнуло за окном. Огромная черная птица облетала маяк кругами, по очереди показываясь в каждом окне – в западном, южном, восточном, северном... как Ярость, безжалостно машущая крыльями.

"Мы окружены! – подумала Муми-мама в растерянности. – Это заколдованный круг. Я боюсь. Я хочу домой, прочь от этого ужасного заброшенного острова и жестокого моря..." Она обхватила лапами свою яблоню и зажмурилась. Кора была шершавой и теплой, шум моря исчез. Муми-мама оказалась прямо в саду.

Комната опустела. Краски стояли на столе, а за окном черная птица кружила и кружила вокруг маяка. Когда краски в западной части неба потускнели, она улетела в море.

К чаю семья вернулась домой.

– Где мама? – спросил Муми-тролль.

– Наверное, пошла за водой, – предположил Муми-папа. – Смотри, пока нас не было, она нарисовала новое дерево.

Муми-мама стояла за яблоней, наблюдая, как они готовят чай. Они казались слегка расплывчатыми, словно двигались под водой.

Случившееся не удивило ее. Наконец-то она оказалась в собственном саду, где все было на своих местах и росло так, как положено. Кое-где что-то было нарисовано неправильно, но это не имело значения. Она села в высокую траву и услышала зов кукушки на другом берегу реки.

Когда чайник закипел, Муми-мама крепко спала, прислонившись к яблоне.